

УДК 130.2

Л.А. Коробейникова, А.Ю. Гиль

СЕТЕВЫЕ СТРУКТУРЫ В ГЛОБАЛЬНОМ МИРЕ

Представлен философский анализ современных исследований глобализации и сетевых структур в глобальном мире. Проанализировано изменение дискурса по проблеме глобализации в направлении перехода от фрагментарного типа мышления, который доминировал на первом этапе теоретического осмысления глобализации и включал социальную, экономическую, политическую и другие парадигмы, к обобщающей философской парадигме. Представлена концептуализация основных интерпретаций сети и сетевых структур в современном философском анализе.

Ключевые слова: глобализация, глобальное сообщество, глобальное сетевое общество, сеть, сетевые структуры.

Реальность глобализирующегося мира порождает множество новых процессов, один из значимых среди которых – формирование глобального сетевого сообщества.

В современных теоретических дебатах, в зависимости от характера процесса глобализации – гомогенного, ориентированного на традиционные иерархические структуры, и фрагментарного, формирующего сетевые структуры – можно выделить два направления анализа этого процесса: глобализация на основе идеи прогресса, который ведет к гомогенизации мира (универсалистская теория глобализации), и глобализация на основе идеи многообразия, гетерогенности мира (мультикультурная теория глобализации). В дискуссиях по проблеме формирования глобализации в универсалистской форме возникает тенденция к поляризации исследований вокруг элитной версии глобализации (глобализации сверху) и народной глобализации (корпоративной версии глобализации). Популярные антиглобалистские движения часто представляют собой не что иное, как выражение процесса глобализации, но в альтернативной форме. Таким образом, противостояние глобализации не является внешним по отношению к этому процессу, но во многом является частью процесса универсалистской глобализации.

Теория мультикультурной глобализации, осуществление процесса глобализации в форме культурного разнообразия сейчас особенно популярна в силу своей антирепрессивной и толерантной формы, а также ориентации на создание открытых сетевых структур. Оценка мультикультурализма как интеллектуального движения, которое может служить теоретическим основанием мультикультурной глобализации, неоднозначна. Дж. Серль выступает против него, поскольку рассматривает как часть движения, разрушающего концепции истины и объективности в западной традиции. Р. Рорти считает мультикультурализм одним из направлений, которое ставит вопрос об отношениях между философской теорией истины и академической практикой. Ч. Тайлор исследует проблему исторически, защищая мультикультурализм как отрасль либеральной политической теории. Некоторые критики мульти-

культурализма утверждают, что люди живут в культурах, которые уже являются космополитическими и характеризуются культурным разнообразием [1. Р. 93–119]. Теоретики мультикультурализма не отрицают тезис космополитов о пересечении и взаимодействиях культур, но утверждают, что люди принадлежат к разным социальным группам и стараются сохранить собственную культуру. Государства не должны подталкивать к политике культурной интеграции или культурной инженерии, но, скорее, к политике индифферентности по отношению к меньшинствам [2. Р. 15]. Еще один момент критики связан с тем, что мультикультурализм как политика признания отвлекает внимание от политики перераспределения [3]. Мультикультуралисты в ответ подчеркивают, что на практике оба типа политики переплетаются и требуют равенства по отношению к расе, этничности, национальности, религии, так как многие индивиды принадлежат одновременно к нескольким выделенным категориям и страдают от растущих форм маргинализации. Еще одна проблема – уязвимость меньшинств. Особо значимы дискуссии по проблеме идентичности, которые утверждают, что этнические идентичности не являются «чистыми» конструкциями, но изменяются под влиянием обстоятельств. «Чернота» (blackness), например, представляет собой гетерогенную идентичность, которая развивалась во взаимодействии с европейскими (белыми) культурными формами. Отсутствие «чистых» идентичностей означает, что меньшинства не являются гомогенными – еще один аргумент в пользу мультикультурной глобализации. Возрастающее культурное разнообразие приводит к формированию нового типа либерализма, базирующегося на мультикультурных ценностях. Либеральные тенденции критики Я и критический способ мышления в традиционной европейской метафизике, например, в диалогах Платона и критической философии И. Канта, а также логика диалога, который продуцирует проблему поиска универсальной истины, формируют метафизический либерализм (термин Ш. Имамото). Либеральная позиция, которая разрешает реализацию индивидуальных идей и действий без политического принуждения, обеспечивает появление демократического федерализма как одного из оснований мультикультурной глобализации. Дискуссии по поводу эволюции прав человека по отношению к культурным ценностям, идентичности, демократической теории фиксируют изменения, происходящие в евроцентристских правах человека в связи с процессами глобализации. Права человека оправданы каждой из культур, внутри которой есть ресурсы либерального опыта, предопределяющие мультикультурные трансформации.

Многообразные исследования глобализации, как входящие в два выделенных направления анализа (универсалистское и мультикультурное), так и выходящие за их рамки, можно структурировать, выделив основные концепции: исторические; социально-философские; социальные; интерпретации глобализации в границах философии права, политической философии, политологии; информационные и сетевые концепции глобализации.

Процесс глобализации связан с исторической интерпретацией, так как представляет собой эволюцию глобального мирового сообщества в направлении от иерархических к сетевым структурам. В этом аспекте необходимо выделить широко дискутируемую историческую концепцию глобализации, которая оценивает глобализацию как этап развития мирового сообщества,

следующий за модернизацией. Исследователи интерпретируют модернизационные теории как «концепции направленного развития, построенные на основе признания универсальности западного общества, превращения его в образец для всех народов, желающих ускорить свою естественную эволюцию ... Модернизация осуществлялась в формах колонизации, вестернизации, догоняющей модели развития» [4. С. 5.]. Модернизационные теории предлагали общий путь развития человечества с идеализацией Запада и признанием западной модели универсальной. Однако модернизации незападных стран поставили под вопрос универсальность западной модели модернизации, не обеспечив необходимых социокультурных изменений. Глобализация как современный процесс эволюции выходит за рамки модернизации. Процесс глобализации, по мнению Н.Е. Покровского, осуществляется на основе более простых структурно-функциональных моделей, чем это было в эпоху модернизации [5. С. 26]. Упрощенную модель развития с основными характеристиками экономической эффективности, калькулируемости процесса и результата, предсказуемости последствий определенных действий описывает Г. Ритцер. Модернизация как процесс, затрагивающий конкретное общество, меняющий его по западному образу, приближающий гомогенизацию мирового сообщества, изменяется в условиях глобализации. Исследователи говорят об изменении соотношения вестернизации и модернизации, возникновении локальных вариантов модернизации, приводящих к отсутствию унифицированной модели и к плюрализму модернизаций. Однако, на наш взгляд, кардинальное отличие глобализации от модернизации заключается в процессе формирования глобального сетевого сообщества, которое приходит на смену иерархическим социальным структурам.

Понятие глобального воплощает разные уровни развития человеческих сообществ, устанавливающих и адаптирующих идентичность, социальные отношения, базирующиеся на иерархических и сетевых структурах на индивидуальном, национальном и мировом уровнях, что обеспечивает преемственность социокультурной эволюции. В связи с этим встает вопрос о глобальной идентичности, трансформирующей любую единичную перспективу в глобальную и воплощающей изменчивый порядок континуума мировой истории и культуры.

В современном социально-философском анализе можно выделить три позиции в интерпретации глобализации. Радикальный глобализм обосновывает идею постепенного объединения отдельных государств в единое мировое сообщество. Умеренный глобализм утверждает тезис, что в процессе объединения разных государств и культур в единое мировое сообщество возникает противоположный процесс дифференциации. Антиглобализм отстаивает идею, что глобализация усиливает различия между культурами, поэтому данный процесс ведет к углублению конфликтов между национальными культурами и усугубляет социальное неравенство в глобальном масштабе. В рамках концепции глобализации как «гибридизации» (термин Ж. Питерса) процесс глобализации оценивается как рост многообразия возможных типов социальных структур: транснациональных, интернациональных, макрорегиональных, микрорегиональных, локальных, муниципальных. Другое проявление гибридизации связано с понятием смешанного времени: премодернизм, модернизм,

постмодернизм. В границах этой концепции гибридизация интерпретируется как интеркультурализм.

В современных дебатах по философии права определение значения глобального и глобализации сосредоточено на поиске значения термина «сообщество» в границах новых парадигм постлиберализма и посткоммунитаризма. Традиционные парадигмы либерализма и коммунитаризма недостаточны для новых перспектив исследования в силу их концептуальной неоднородности, поэтому философы права заняты поиском новых парадигмальных оснований интерпретации сообщества. В то же время теоретики подчеркивают как смутность таких поисков, которые, по определению Д. Уорнера, остаются ностальгическими и неразрешимыми, так и неопределенность самого понятия «сообщество», которые обсуждается главным образом в границах дискурса модернизма. Дискуссии фокусируются на анализе отношений между индивидом, государством и системой государств в соответствии с принципом внутренней (domestic) аналогии, аналогии между международными и внутригосударственными процессами в направлении от интерпретации отдельного индивида через национальное государство к глобальному государству. Проблема глобального формулируется вариативно. Правовой концептуализм основывает правовой регулятивный императив в качестве фундамента проблемы глобализации, так как сообщество развивается от естественного состояния государства к сепаратному политическому сообществу. Другая позиция отстаивает идею глобальных возможностей и глобальной ответственности, которая создается глобальной природой целей развития мирового сообщества. В этой связи правовые философы заняты поисками обоснования ответственного сообщества, хорошего общества.

Исследователи глобализации подчеркивают, что этот процесс начался с формирования глобальной экономики свободного рынка. Разнообразие производственного процесса и его детерриториализация, глобальные финансы и другие феномены свидетельствуют о создании «... глобального пространства, где все люди, несмотря на их различия, выступают как потребители» [6. Р. 63]. В границах глобального экономического пространства возникает глобальное политическое пространство. Ряд политических философов утверждает, что государство теряет компетентность, легитимность и власть, характерные для ведущего агента в мировых связях, и уступает место более комплексному «...пост-интернациональному универсуму, характеризующемуся разнообразием и смешанной политикой» [7]. Для пост-интернационального универсума характерны проблемы формирования глобальной власти и глобальной ответственности. По мнению К. Брауна, термин «сверх-власть» имеет некоторое архаическое звучание в эпоху глобализации, но он может быть актуализирован в контексте концепции «мягкой власти» (soft power) или в понимании важности военной власти в переоценке других форм власти. Исследователи (К. Браун, Ж. Лакан, Ф. Гватари) обсуждают изменение природы власти в настоящее время: власть превращается в сеть, становится ризоматической скорее, чем иерархической, создается и поддерживается не атрибутами, например, насилием, военной властью, экономическим производством и т.п., но людьми, работающими и потребляющими в глобальной экономике. Власть, понимаемая в контексте сети, не имеет определенного места дисло-

кации, не может быть проконтролирована, она вездесуща и создается не только силами, официально ее поддерживающими, но и силами, выступающими против нее.

Ряд исследователей рассматривает глобализацию как процесс формирования глобального сетевого общества. Неоднозначность и сложность сети как объекта изучения проявляются в одновременном существовании нескольких теоретических подходов, созданных в различных областях научного знания (экономика, социология, социальная психология, биология). Это свидетельствует о том, что само изучаемое явление имеет разнообразную природу. Именно это и вызывает к нему интерес представителей разных отраслей научного знания и порождает многообразие точек зрения. М. Манн выделил пять сетей социального взаимодействия в современном мире:

- локальные сети, определяющие непосредственное социальное взаимодействие;
- национальные сети, созданные национальным государством и непосредственно определяющие наши жизни через законодательство и систему контроля;
- интернациональная сеть, определяющая отношения между национально конституированными сущностями и включающая договоренности между государствами по проблемам миграции, транспорта, коммуникаций, налогов и т.д.;
- транснациональные сети, независимые от национальных государств;
- глобальные сети, которые охватывают весь мир в целом [8].

М. Кастельс считает, что сетевой базис информатизации имеет собственную культурную интерпретационную модель, влияющую на способы и характер социальной эволюции [9]. Речь идет о формировании новой организационной парадигмы в условиях смены ведущего типа коммуникации, где само понятие «сеть» приобретает универсальный характер (предпринимательские, иерархические, семейные, деловые...) [9]. Кроме того, сетевое направление развивается очень быстрыми темпами и в основе своей является не закостенелой, а скорее «жидкой» структурой, обладающей определенными характерными чертами.

Традиционная иерархическая система характеризуется следующими чертами: является устойчивой; оказывает индуктивное давление на все системы, с которыми взаимодействует; легко восстанавливается; обеспечивает последовательное движение информации; определяет принципы коммуникации, дисциплины, субординации; нормирует обязательства, определенность компенсаций и наказаний. В то же время иерархическая структура имеет низкую степень управляемости и высокое информационное сопротивление, что ведет за собой медленное, неадекватное реагирование на ситуацию, а также при необходимости воспроизведения своих подсистем захватывает большую долю ресурсов всей системы, кроме того, способствует росту числа иерархических ступеней, что затрудняет движение информационных потоков, и, следовательно, принятие решений и действий в режиме реального времени.

Отличие сетевой формы организации как «жидкой» структуры (от закостенелой иерархической) проявляется в связанности и непрерывной коммуникации; горизонтальной организации – отсутствие единого центра, или поли-

центричность; включенности, где каждый участник сети должен постоянно восполнять и доказывать свою целесообразность; равноправии; относительной открытости входа – выхода; ориентации на результат и высокую эффективность; мутагенности – адаптивности к изменениям внутренней и внешней среды; способности к самоорганизации и саморегуляции; низкой информационной сопротивляемости.

Ю. Хабермас считает «открытость» сети одной из ее фундаментальных характеристик, предполагающую «установление широких, многомерных связей коммуникации», а также «спонтанность» – «свободное формирование, текучесть, постоянное изменение» структуры. Термин «открытость» приобретает несколько вариантов интерпретации:

- открытость элементов сети по отношению друг к другу, отсутствие внутренних перегородок между ее частями;
- открытость границ по отношению к внешней среде.

В основе своей сеть является открытой по определению, но реализуется эта характеристика по-разному. Примером сетей первого типа служат локальные сетевые структуры со свободным общением, «коммуникативным действием» (по Хабермасу) внутри них, но фиксированной внешней границей. Примерами такой сетевой организации могут служить многообразные замкнутые на себя тайные децентрализованные общества. Второй тип сетей представлен делокализованными сетями. В социуме это глобальные сетевые организации, а также современные коммерческие предприятия «без границ». Последние столь активно сотрудничают с агентами вне формальных рамок своей организации – с поставщиками, клиентами, даже конкурентами, что ставят под вопрос само существование своего предприятия как самостоятельной структуры. В подобных случаях сеть фактически ориентирована на собственную экспансию, распространение в среде, на привлечение новых элементов, что и обуславливает подвижную, проницаемую, порой неотчетливую границу со средой. Такая нефиксированность компенсируется неременным существованием у сети прочной внутренней организации.

Открытость сети имеет деструктивные компоненты, которые могут вызвать ее распад, это чрезмерная «рыхлость» организации и статичность основы сети, что приведет к иерархии и бюрократизации. Только динамизм и устойчивость активных центров, дополненные плюрализмом внутренних сетей, обеспечат сетевой структуре многовариантность стратегий развития и решения тех или иных задач, проблем. Скорость, как одна из характеристик сетевого взаимодействия, принципиально снижает издержки передачи информации, упрощает и стремительно ускоряет процесс создания географически распределенных социальных групп (сетей), характеризующихся преобладанием неиерархических «горизонтальных» коммуникаций, возможностью общения «всех со всеми» [10].

Сама природа сети с ее информационной прозрачностью и открытостью для обсуждения может рассматриваться как механизм предварительной критики, учета и анализа ближайших и отдаленных последствий любого частного проекта. В этом смысле любой проект, реализующийся в рамках сети, не равен самому себе, а его потенциал прямо пропорционален многообразию единиц и ареалов, называющих себя сетью.

Сеть, таким образом, есть особый общественный механизм ограничения и критики проектных предложений, но одновременно она же обеспечивает развитие и поддержку инициатив, обогащает их содержанием и смыслом, которые отсутствуют в первоначальном варианте.

Сети имеют преимущество перед традиционными иерархически организованными морфологическими связями. Они децентрализуют исполнение и распределяют принятие решения, но унаследовали от иерархии высокую степень связанности (взаимозависимости) в группе. Сети как социальные формы являются свободными, нейтральными [11]. Кроме того, это наиболее подвижные и адаптивные формы организации, способные развиваться вместе со своим окружением и эволюцией отдельных частей, которые составляют сеть и предполагают равноправное положение всех участников группы по отношению друг к другу. Отдельные части сети могут являться более важными, чем другие, но они все необходимы до тех пор, пока находятся в сети. Значимость отдельной части сети зависит от накопления большего количества информации и более эффективного ее использования, а также от специфических черт, присущих отдельно взятому элементу сети, и его способности к распределению информации. Если с функциональной точки зрения часть сети перестает быть эффективной, то она может отторгаться либо реорганизоваться в зависимости от потребностей. Здесь выявляется еще одна важнейшая черта сетевой организации – возможность своевременной и функциональной реорганизации, что обеспечивает подвижность и мобильность. Однако у них имеются сложности в координировании функций, в сосредоточении ресурсов на определенной цели, в управлении решением сложных задач за рамками определенного размера сетей. Тем не менее эти технологии разрешают проблему координации и сложности в интерактивных системах с обратной связью и коммуникацией внутри сети, они создают беспрецедентное сочетание подвижности и возможности выполнения задачи, скоординированного принятия решения и децентрализованного исполнения. «Созданием лучших коммуникаций, чем это может сделать рынок, сетевые формы организации облегчают лучшую координацию перед лицом изменений, значимость которых не может быть полностью передана или понята через ценовые сигналы. В это же время, поскольку границы сетевых форм организации обычно более легко управляемы, чем границы иерархий, более легкими являются модификации композиции сетевых организаций как ответная реакция на эти изменения» [12], что обеспечивает в высшей степени сложную социальную морфологию и самый высокий уровень организации для всех социальных действий.

Д. Подольны и К. Пейдж описывают сетевые изменения, происходящие в последние годы во внутренней среде традиционных иерархических фирм и организаций, следующим образом:

- одно из основных отличий сетевой формы организации от традиционной заключается в этических или ценностных ориентациях ее участников;
- центральным элементом является «дух доброй воли» (spirit of goodwill), который означает использование «голоса» вместо «силы» для разрешения проблем, а также высокий уровень доверия между участниками;

– нормы взаимности лежат в основе сетевой организации (в отношениях между участниками преобладают чувства взаимных обязательств и ответственности, а не желание извлечь выгоду из имеющего место доверия);

– члены сетевой организации составляют «моральное сообщество», в котором предполагается доверительное поведение, понимание нормативных стандартов, а оппортунизм предreshен.

Следовательно, «сетевая форма управления может давать лучшее обучение, расширенную легитимность и престиж, лучший контроль над внешней средой и лучшие экономические результаты» [12. Р. 57–76]. Информационные сети в огромной степени определяют изменение отношений производства, потребления, власти, опыта и культуры.

Социальные сетевые структуры можно конституировать как многоцентровые системы: со смягченной и расщепленной должностной иерархией (принцип многоначалия), с широкой взаимоперекрывающейся специализацией всех членов сети, со специальными мерами по максимальной стимуляции неформальных, личностных взаимоотношений между этими членами на базе симпатий, сантиментов, спонтанно складывающихся социальных статусов. Многоцентричность сети не препятствует ее целостности. Сеть как целое больше суммы своих частей. Целостность сети обеспечивается быстрым (в пределе – мгновенно действующим) эффективным внутрисетевым каналом коммуникации, который позволяет синхронизировать процессы, происходящие в различных частях сети. В то же время, по мнению А. Богданова, даже наличие двух центров чревато подрывом устойчивости всей системы: «...определяющее влияние одного центра на его периферию сталкивается с определяющим влиянием другого, и получаются неустойчивые системы» [13. С. 100]. Тем не менее многоцентровые сети – социальные, клеточные, нейронные и др. – весьма устойчивы в реальности. Более того, они менее уязвимы, чем строго пирамидальные системы (представленные в современном социуме бюрократиями), которые часто гибнут при уничтожении центрального звена. К примеру, медиасети применяются в деловом общении, а также в глобальном обмене информацией, звуком и изображением.

Предприятия и организации глобального сетевого общества являют собой новый тип сетевого устройства, основанного на сети политических институтов и органов принятия решений международного, национального, регионального, местного и локального уровней, проявляющихся во взаимодействии при принятии решений. В целом имеет место индивидуализация работы и сетевая децентрализация рабочих мест в противовес социализации работы, вертикальной интеграции, а также крупномасштабности производства, что было характерно для индустриального общества. Использование сетевых форм организации и взаимодействия позволяет обеспечить существенную гибкость фирм, индивидов и стран в условиях глобализации.

Литература

1. *Waldron J.* Minority Cultures and the Cosmopolitan Alternative // *The Rights of Minority Cultures.* Oxford, Oxford University Press, 1995. 100 p.
2. *Kukathas C.* The Liberal Archipelago: A Theory of Diversity and Freedom. Oxford: Oxford University Press, 2003. 292 p.

3. Barry B. Culture and Equality: An Egalitarian Critique of Multiculturalism. Cambridge, M/A: Harvard, 2001. 403 p.
4. Федотова В.Г. Российское развитие в условиях глобализации // Философские науки. 2001. № 1. С. 5–18.
5. Покровский Н.Е. Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 21–31.
6. Antonio A. Magalhaes and Stephen R.Stoer. Performance, Citizenship and the Knowledge Society: a New Mandate for European Education Policy // Globalization, Societies and Education. 2003. Vol. 1, № 1. March. P. 41–67.
7. *Remapping* Global Politics. History's Revenge and Future Shock. Val. H. Ferguson. Rutgers University, New Jersey and Richard W. Mansbach, Iowa State University. 2004. 380 p.
8. Mann M. Has globalization ended the rise and rise of the nation-state // D. Held and A. Ms. Grewl (Eds.). The Global Transformation Reader. Combridge: Polity Press, 2000. P. 472–497.
9. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Blackwell, 2000. 506 с.
10. Чучкевич М.М. Основы управления сетевыми организациями. М.: Изд-во Ин-та социологии, 1999. 54 с.
11. Кастельс М. Материалы для исследовательской теории сетевого общества: пер. с англ. Ю.А. Кимелев, Н.А. Полякова. Электрон. дан. Б. м., 2009. [Электронный ресурс]. – URL: <http://christocio.info/content/view/142/> (дата обращения: 10.11.2013).
12. Podolny J.M., Karen L.P. Network Forms of Organization // Annual Review of Sociology. 1998. №24. P. 57–76.
13. Богданов А. Очерки всеобщей организационной науки. Самара, 1921. 200 с.